

В изгнании, Кавксмьели пристает к острову, и местные жители помогают ему «лодку затянуть на сушу», чтобы она обсохла (стр. 53).

Рыболовство в рунах Архипа Перттунена отразилось очень полно и разнообразно, причем в них сохранены и популярные рыбацкие поверья и легенды, — например, о русалке в образе рыбы, пойманной и отпущенной рыбаком. В той же руне о Лемминкйенне отразилась легенда и происхождении некоторых пород рыб и морских млекопитающих:

Он в кита преобразился,
Что едят одни лишь шведы,
Господа жарким считают,
А попы — так лучшим блюдом.

В основе этого замечания певца лежит действительное различие в обычаях скандинавских стран, где мясо китов и тюленей употреблялось в пищу, и России, где его не употребляли, считая «поганым»; надо думать, социальная верхушка карело-финского народа также стала употреблять его в пищу, подражая шведам, поэтому замечание певца имеет острый социальный смысл, осуждая отход от родных обычаев (стр. 64). В стране Маналы, откуда никто не может возвратиться, железные брат и сестра прядут железные — медные нити и вяжут из них сети, которыми перегораживают реку, чтобы задержать Вейнемейнена, проникшего к ним; однако вещей Вейнемейнен превращается в железную змею и проскальзывает сквозь сеть (стр. 43). Лов рыбы дан очень живо и конкретно. Лемминкйенн поймал рыбу-русалку, удя «на мысу туманный» медной удой с серебряной леской (обычное приукрашивание в фольклоре орудий труда). Странную рыбу, попавшуюся на крючок, он бросает «на дно лодки», сравнивая ее с местными породами рыб — тайменем, сягом, шукой, лососем — и отмечая отличия. Он сожалеет, что у него нет с собою режущих инструментов — мотыги или «резака для прутьев», чтобы разрезать рыбу и приготовить в пищу.

Бегло касаясь других сторон действительности, отраженной в рунах Перттунена, можно отметить особенности природы Карелии: водопады, пестрые камни, березу, ольху, вереск, ель и сосну, болота, морской лед; из фауны: тетерок, кукушек, белок, горностаев, волков и медведей и т. д. Жилище представлено рубленой избой, иногда еще курной, баней, в которой моются шелоком, полом с «мостками» посредине. Из женских домашних работ упоминается стирка белья на морском берегу, топка печи, метенье пола и т. п. Одежда жениха — рубаха с золотистым поясом, суконная одежда. Неоднократно встречается варка праздничного пива, упоминаются моменты свадебного обряда.

Внимательное сличение приемов народной медицины, обычаев, упоминаемых в различных рунах, вероятно также дало бы возможность установить их этнографическую основу. Не менее плодотворными оказались бы и исследования общественных отношений более ранней исторической эпохи, следы которой видны в рунах. Такова, например, легенда о «деревне людоедок, где героев топят жены», повидимому, относящаяся к «амазонским легендам»; терминология родства (о чем говорит и автор книги); плата за невесту, обычная в одних местностях и отсутствующая в других, особенности общинной жизни и многое другое.

Так же насыщены образами рыболовства, охоты, домашнего хозяйства и песни Архипа Перттунена, помещенные в рецензируемой книге. Особенно характерен образ трудолюбивой девушки, которую мать советует выбирать в невесты своему сыну, правила поведения на общественном пиру и др. Этот раздел назван автором «Лирика», что нельзя признать удачным, тем более, что первые два номера связаны с жанром охотничьих заговоров; одной из этих песен Архип Перттунен предпослал нечто вроде воспоминаний о том, как охотились прежде.

«Избранные руны Архипа Перттунена» — ценная книга, изданная к юбилею «Калевалы». Но все же она оставляет чувство неудовлетворенности — не только потому, что анализ рун, данный В. Евсеевым в его статье, недостаточен и не сосредоточивает внимание читателя на главном, а преимущественно из-за неполноты публикации художественного наследия этого замечательного певца. Советская общественность вправе ждать полного издания рун, записанных от Архипа Перттунена и его сына Михайла. Это — крупнейшие мастера народного искусства, и их творчество должно стать широко известным.

Р. Лупец

Väinö Kaukonen, *Kalevala ja todellisuus*. Eraita kielen-kaeytön ongelmia Helsinki, 1948, 210.

Современное состояние финской (скандинавской) школы фольклористов ярко раскрывается на примере опубликованной в 1948 г. монографии финского буржуазного ученого В. Кауконена об отношении «Калевалы» к действительности. Основные положения этой работы не являются чем-то случайным для автора. Многие его утверждения уже даны в предшествующем его двухтомном исследовании «*Vauhan Kaleva-*

lap kokooprapo», изданном в 1939 и 1945 гг. Финляндским литературным обществом. Сознание невозможности вывести из тупика финляндскую фольклористику окончательно привело ее представителя В. Кауконена к агностицизму, характерному и для его предшественников. Согласно его мнению, финская историко-этнографическая школа имеет основание утверждать, что «Калевала» в качестве формы проявления творчества Э. Лённрота, является сомнительным источником древней истории Финляндии. На деле такое утверждение относит в разряд «сомнительных» источников не только свод Лённрота, но и более широкий и значительный документальный материал — записи рун от рунопевцев.

«Некоторые исследователи, — пишет В. Кауконен, — например, Вейне Сальминен, пытались написать историю древней поэзии финнов, хотя ни с одной из древних финских рун они не знакомы; они стремились выдать устную поэзию прошлых столетий за западно-финскую древнюю поэзию, а также пытались объяснить содержание и сущность неизвестных нам рун разных народов. В разных кругах верили в то, что найдена Похьола «Калевалы» или руническая Похьола, но загадка Сампо осталась вечно спорным вопросом» (стр. 197). Во всех этих случаях, по мнению В. Кауконена, речь идет о тех древностях «Калевалы», в которых нет «действительной древности», но налицо имеются «безусловно единичные» субъективные представления личности, проявляющиеся в речи и прочих видах индивидуальной деятельности того или другого субъекта. Признавая принципиально невозможным познание некогда существовавших фольклорных образов, считая, что любые наши представления об отсутствующих в записи фольклориста древних версиях песен всегда субъективны, В. Кауконен скатывается в болото субъективного идеализма, точнее, — агностицизма, отрицавшего объективное существование действительности. «Переход от описываемого в руне происшествя к действительным историческим событиям, — пишет В. Кауконен, — невозможен и приводит к неразрешенным противоречиям. Это сказывается в руне о похищении Сампо» (стр. 129). В другом месте он заявляет, что «обобщение всегда остается субъективным. Объективно никогда не будет возможно выяснить, что такое руна о Сампо» (стр. 141). С этими положениями связано отрицание В. Кауконеном разницы между фольклорным произведением в записи от сказителя и его литературной обработкой, принадлежавшей перу поэта.

«Исполняемая Архипом Перттуненом руна о Сампо, — пишет В. Кауконен, — это такое же произведение, как и поэма Э. Лейно «Туури» и «Калевала» Элиаса Лённрота... Руна Архипа Перттунена — нечто целое, не сводимое к простой сумме художественных образов. Ни один из его стихов не является стихом более древней руны. Ценность руны Архипа Перттунена для исследований по археологии, древней истории и этнографии несколько не больше, чем ценность «Калевалы» (стр. 78—80). Согласно концепции В. Кауконена, руна А. Перттунена, как и «Калевала» Лённрота, имеет ограниченное значение даже при ее рассмотрении в свете результатов, достигнутых в исследованиях по археологии, древней истории, этнографии, лингвистике. С их помощью, по Кауконену, можно осветить лишь «возникновение эстетической иллюзии». Для В. Кауконена пути развития карельского эпоса существуют лишь в наших субъективных представлениях. Кауконен не верит в возможность объективного познания действительности, научной реконструкции истории карельских эпических песен. «Древность эпоса «Калевалы», — пишет В. Кауконен, — не является действительной древностью, она лишь некое субъективное представление, которое отделяется от чувственно воспринимаемой действительности тройным и непроходимым барьером» (стр. 191). Кауконен согласен признать действительной древностью — и то условно — лишь такие записи эпоса, которые произведены тысячи лет назад, и лишь в том случае, если эти записи не являются формами проявления поэзии, а «объективно» отражают события и быт своего времени. Согласно В. Кауконену в процессе изучения происхождения рун многих рунопевцев выяснение прямых факторов, влияющих на их развитие, невозможно, так как над предполагаемой картиной прошлого этих рун всегда довлеет субъективное предположение исследователя. Исхода из такого предположения, опровергаются другие гипотезы, но объективно ничто не утверждается (стр. 179). Кауконен утверждает, что даже самое обоснованное предположение о том, что могло произойти, не дает права считать, что это действительно произошло. Он не желает видеть, что между таким предположением и выяснением действительных происшествий существует принципиальная разница. Он отрицает объективно существующее представление о действительности. Утверждая реакционную философию субъективного идеализма в приложении к изучению рун «Калевалы», утверждая мистическую непознаваемость «Калевалы», В. Кауконен, как и ряд других буржуазных филологов, лишает (например, на стр. 199) о действительности, которая не была поэзией, и о древней поэзии «Калевалы», которой, якобы, никогда не было. Свою составленную из лоскутков берклианства, агностицизма Юма, обрывков махизма и заплятанную открыто не названными новейшими американскими «теориейками» половинчатую концепцию финский фольклорист В. Кауконен пытается защитить отдельными достижениями филологической науки. Однако В. Кауконен сам знает, что его концепция обречена остаться «его субъективным представлением». Не спасает автора и половинчатое признание наличия славянских влияний в карело-финских народных рунах (стр. 168—169).

Отрицание возможности исторического изучения фольклорных явлений стражает общее состояние современной буржуазной науки, для которой характерна боязнь исто-

рического анализа, так как он вскрывает обреченность буржуазии на гибель. Монография В. Кауконена еще раз подтверждает порочность современной буржуазной науки. Наука о народном творчестве может быть выведена из туника лишь советскими фольклористами.

В. Евсеев

С. П. Толстов. *По следам древнехорезмийской цивилизации*, АН СССР, Научно-популярная серия, М.—Л., 1948, 323 стр., со многими таблицами, иллюстрациями в тексте и картой маршрутов экспедиции.

Имя С. П. Толстова — неутомимого археолога, открывшего перед нами целый новый культурный мир — древнехорезмийскую цивилизацию, видного этнографа, автора ряда важных работ по этногенезу, истории, культуре народов СССР, известно и за пределами узкого круга специалистов.

Весной 1948 г. вышла большая работа С. П. Толстова «Древний Хорезм», подводящая итоги предвоенным годам исследований в Хорезме. Этот капитальный труд, имеющий не только узкий интерес для археологов и историков Средней Азии, но и ставящий ряд важнейших общеисторических проблем, нашел уже отражение в печати, и, несомненно, к нему не раз вернуться советские историки и археологи.¹ Советское правительство высоко оценило этот труд, присудив автору Сталинскую премию I-й степени.

Читатели «Древнего Хорезма» выражали сожаление по поводу того, что по различным обстоятельствам книга задержалась выходом и отразила лишь работу Хорезмской экспедиции в довоенные годы. Но прошло всего несколько месяцев, и мы уже располагаем новой книгой С. П. Толстова, рассказывающей и о работах Хорезмской экспедиции Академии Наук СССР за 10 лет (1937—1947) и последовательно излагающей нам историю этой интереснейшей страны в том виде, в каком она воссоздается в результате работ Хорезмской экспедиции и, прежде всего, ее бессменного начальника — С. П. Толстова.

Книга вышла в научно-популярной серии Академии Наук СССР. Нужно прямо сказать, что эта серия, созданная по инициативе Президента Академии Наук академика С. И. Вавилова, является весьма ценным начинанием. Работы, входящие в эту серию, могут быть названы научно-популярными в лучшем смысле этого слова. Так, например, рецензируемая книга не только строго научна, но и дает новый, принципиально важный исторический материал «из первых рук», в изложении самого исследователя, а не компилятора-«популяризатора». В то же время эта книга является и популярной, так как в ней увлекательно, просто и ясно изложены порой очень сложные научные построения, важные события истории народов нашей Родины.

Книга распадается на две неравные части: первая — «Путешествие в Древний Хорезм» (стр. 7—62) и вторая — «Летопись мертвых городов» (стр. 65—316). Завершается книга небольшим заключением (стр. 317—323).

Первая часть посвящена рассказу об археологическом изучении средней Азии, основных его задачах, о достижениях советских археологов (гл. I — «Страницы потерянной книги») и особо — о работах в Хорезме. Рассказ о трудах и исследованиях Хорезмской экспедиции АН СССР дан в очень живой повествовательной форме, где необходимые фактические данные — даты, названия местностей, имена — перемежаются с живо изложенными легендами каракалпаков и туркмен (гл. II — «Ворота Древнего Хорезма»), с отрывками из подлинных дневников экспедиции с красочным описанием пустынного пейзажа, живописных развалин, романтических полетов над солончаками, барханами, землями древнего орошения на маленьком, верном, неутомимом ПО-2 (гл. III — «В призрачной стране» и гл. IV — «Полет через тысячелетия»).

Читая описание работ экспедиции год за годом, нельзя не оценить по заслугам широкий размах работ, хорошую организацию, позволившую Хорезмской экспедиции в краткий срок — за семь полевых сезонов — обследовать сотни памятников — от неолита до XVII в., произвести ряд стационарных раскопок большого масштаба и обобщить огромный накопленный материал. Нужно особо отметить умелое сочетание впервые примененных в таких масштабах авиаразведок с разведкой наземной и тщательным и скрупулезным изучением отдельных решающих памятников. Здесь нет необходимости перечислять последовательно этапы работ экспедиции — от первых разведок 1937 г. на «землях древнего орошения» между Гульдурсуном и Султан-Уиздагскими горами и до интенсивных раскопок последних лет «трехбашенного замка» Топрак-кала, давшего изумительные памятники хорезмийского искусства III в. н. э., и широких авиаразведок за пределами Хорезмского оазиса на Усть-Урте, на Узбое, в междуречье Аму-Дарья — Сыр-Дарья. Достаточно будет сказать, что первые четыре главы вводят читателя в круг изучаемых вопросов, знакомят с памятни-

¹ См. рецензию А. Ю. Якубовского в газ. «Культура и жизнь» от 30.XI.1948 г., рецензии акад. В. В. Струве в «Вестнике древней истории», А. Н. Бернштама в журн. «Изв. АН СССР, Серия истории и философии», М. М. Дьяконова в журн. «Вопросы истории».